

Се Чжэфэн отбросил бамбуковый прут и смерил разнеженных барчуков ледяным взглядом:

— Каждому по двадцать ударов линейкой. Шагом марш в Зал Дисциплины за наказанием.

Услышав это, молодые господа подняли невообразимый гвалт. Они повалились на колени, слезно умоляя о пощаде и наперебой признавая вину.

Се Чжэфэн лишь равнодушно опустил веки:

— Тридцать ударов.

На этот раз юнцы даже пикнуть не посмели. Кое-как подхватив бессознательного молодого господина Лю под руки, они поджали хвосты и в панике убрались восвояси.

Разделавшись с паршивцами, Се Чжэфэн перевел взгляд на Шэнь Лоуханя.

Одежда юноши изрядно испачкалась в пыли, но никаких повреждений он не получил. Единственная кровь на его сбитых костяшках принадлежала молодому господину Лю. Впрочем, Шэнь Лоухань вовсе не собирался выказывать благодарность или вступать со старшим в беседу — он лишь молча отступил в сторону.

В прошлой жизни на горе Цюншань возвышались два юных гения меча, чьи имена гремели на весь мир. Одним был Лу Гуйсюэ, постигший Путь Забвения Страстей Высшего Достопочтенного, а другим — Се Чжэфэн, обладавший врожденным Телом Меча.

«В Песне Меча — Чжэфэн, в Вечных Осенях — Гуйсюэ».

Они учились у одного мастера и были неразлучны, за что в Поднебесной их прозвали «Двумя Мечами Цюншани».

Шэнь Лоухань всегда испытывал к Се Чжэфэну глубокую неприязнь. Без всякой на то причины — просто терпеть его не мог.

Заметив угрюмый вид юноши и убедившись, что тот невредим, Се Чжэфэн не стал лезть с расспросами. Однако едва Шэнь Лоухань вознамерился покинуть Террасу Синих Облаков, как старший окликнул его:

— Задержись.

— У дяди-наставника Се есть ко мне дело? — Шэнь Лоухань замер, не скрывая холодного отчуждения.

Се Чжэфэн ничего не ответил. Он не тронулся с места, лишь оглянулся назад, будто кого-то ожидая.

В груди Шэнь Лоуханя зародилось недоумение. Проследив за его взглядом, он увидел неспешно приближающегося Лу Гуйсюэ.

Шаг того был до того легким и невесомым, словно он ступал не по твердой земле, а по пышным облакам. На фоне этой болезненной, изнеможенной фигуры он казался хрупкой снежинкой — переливающейся, но готовой истаять от малейшего прикосновения или порыва ветра.

Прошло всего полгода, а тяжелый недуг до неузнаваемости изменил прежнего любимца судьбы. Даже те ученики, что прежде за глаза язвили в его адрес, глядя на него сейчас, невольно испытывали сострадание.

Ранее Лу Гуйсюэ наведася на Пик Нефритового Великолепия, где как раз застал Се Чжэфэна. Закончив дела, они вместе отправились обратно. Проходя неподалеку от Террасы Синих Облаков, Се Чжэфэн уловил шум стычки и устремился вперед.

Подойдя ближе, Лу Гуйсюэ с удивлением обнаружил в самом центре событий Шэнь Лоуханя.

— Что здесь стряслось? — поинтересовался он у Се Чжэфэна.

Се Чжэфэн выдержал короткую паузу и ответил:

— Ничего особенного. Кое-кто устроил драку. Послушники уже понесли наказание.

Его голос, как всегда, звучал ровно и отстраненно — будь то вопрос, восклицание или обычное утверждение, в его исполнении все сводилось к ледяной констатации.

Ученики, наблюдавшие за происходящим от начала и до конца, приоткрыли рты от такой невозмутимой лжи бессмертного господина, но сказать ничего не решились. Бросив взгляд на меч за спиной Се Чжэфэна и вспомнив плачевный вид молодого господина Лю, они благоразумно решили притвориться немymi.

— Драку? — Лу Гуйсюэ украдкой бросил взгляд на Шэнь Лоуханя.

К счастью, юноша выглядел невредимым. К тому же, раз он спокойно стоял здесь, значит, зачинщиком был не он. Иначе, зная непреклонный нрав Се Чжэфэна, Шэнь Лоухань уже отправился бы отрабатывать удары линейкой.

Лу Гуйсюэ мысленно перевел дух.

— Угу, — коротко откликнулся Се Чжэфэн, явно не желая вдаваться в подробности. — Забирай его и возвращайтесь.

Лу Гуйсюэ кивнул и двинулся сквозь толпу. Ученики расступались перед ним, высвобождая дорогу.

Опустившись перед Шэнь Лоуханем на корточки, он ничего не сказал. Лишь достал шелковый платок, бережно взял юношу за правую руку и аккуратно вытер кровь, запятнавшую его пальцы.

Лу Гуйсюэ ощутил, как дрогнула ладонь ученика.

— Тебя кто-то обидел? — тихо спросил он.

Шэнь Лоухань молчал, лишь бессознательно сжал в кулаке тонкую ткань платка.

Лишь сам Шэнь Лоухань знал, каких нечеловеческих усилий ему стоило подавить дрожь, охватившую тело в момент прикосновения пальцев Лу Гуйсюэ.

Он не привык к подобной нежности — тем более от своего наставника.

И все же юноша невольно наклонил голову. В воздухе вокруг Лу Гуйсюэ витал едва уловимый, тающий аромат личи — сладковатый и тонкий.

Набираясь сил на Пике Вечных Осеней, Лу Гуйсюэ часто лакомился этими сочными плодами.

Этот избыточно сладкий дух вновь заставил демоническую кровь в жилах Шэнь Лоуханя глухо забултыхать.

— Нет, учитель, — произнес юноша, вглядываясь в черты его лица.

А про себя подумал: «Да разве они меня обижали? Они же над тобой глумились».

Улышав отрицание и помня, что по сюжету парню вечно досаждают сверстники, Лу Гуйсюэ решил, что тот просто упрямится из гордости. Не желая устраивать сцен при свидетелях, он лишь слегка погладил ученика по тыльной стороне ладони:

— Пойдем домой.

Так Шэнь Лоухань и последовал за ним обратно на Пик Вечных Осеней.

Гору Цюншань пронизывала сеть телепортационных формаций. Для перемещения требовалась лишь нефритовая табличка, подтверждающая личность. Изначально эти массивы обустроили ради удобства новобранцев, но теперь они стали спасением для Лу Гуйсюэ.

Лишенный духовной энергии, он не мог управлять ни летающим мечом, ни небесной ладьей. Даже самые смирные духовные птицы отворачивались от него с явным пренебрежением. Не будь этих формаций, бессмертный господин оказался бы заточен в четырех стенах.

Из-за слабости в теле Лу Гуйсюэ двигался крайне неспешно. По сравнению с прежней стремительностью, когда он летал на мече подобно ветру, сейчас его шаг казался неторопливым перемещением ленивца.

Шэнь Лоухань поначалу покорно шел сзади, но постепенно сровнялся с ним. Он молча слушал, как учитель ровным голосом расспрашивает его о всякой житейской мелочи, и время от времени призамедливал шаг, подстраиваясь под его кроткую походку.

Заходящее солнце светило им в спину, вытягивая по земле длинные тени.

Мягкие лучи закатного солнца заставили Шэнь Лоуханя на миг затаить дыхание.

Прежде Лу Гуйсюэ всегда стремился вперед. Подобно своему мечу, Цзинхуну — Вспугнутому Лебедю, — он проносился мимо, не задерживаясь ни на мгновение.

В прежние времена Шэнь Лоухань изо всех сил бежал следом, но как бы ни старался, не мог нагнать мастера. Признаться в этом он боялся: у Лу Гуйсюэ никогда бы не нашлось времени, чтобы остановиться и подождать. Оставалось лишь мчаться дальше, сжимая зубы от страха быть брошенным.

Теперь же Лу Гуйсюэ ступал рядом — настолько близко, что, протянув руку, можно было коснуться его безупречно белого рукава.

Чувство удивительного умиротворения затопило душу Шэнь Лоуханя, вытесняя клекотавшую в груди злобу. Ему вдруг захотелось прикоснуться к профилю наставника, давшего мягкий очерк в золотистом свете заката.

Его учитель был невероятно красив.

Утонченные черты лица, благородная осанка и неземной облик. Подобен лику луны на небосводе, похож на нетронутый снег на вершине одинокой горы — столь же недостижимый и возвышенный.

Но нынче лунный свет напитался теплом, а вечный снег тронулся под солнцем. Человек подле него казался нежным сновидением, сошедшим с небес прямо в бренный мир, к нему, Шэнь

Лоуханю.

Юноша понимал: эта ласка — лишь иллюзия. И все же не мог сопротивляться искушению.

«Вот дойдем до конца дороги, и я больше никогда не поверю его притворной доброте... Но пока — лишь на этот миг, совсем ненадолго...»

Лу Гуйсюэ и не подозревал, какая буря противоречивых мыслей бушевала в голове ученика, смиренно шагавшего подле него.

Подойдя к магическому кругу, бессмертный господин поднес к нему нефритовую табличку. Рисунок формации вспыхнул, зрение застала вспышка белого света, и в следующее мгновение они очутились на Пике Вечных Осеней.

Шэнь Лоухань волевым усилием смахнул прочь все нахлынувшие чувства.

Нынешний Пик Вечных Осеней разительно отличался от того, каким его помнил Шэнь Лоухань.

Пока Лу Гуйсюэ оправлялся от недуга, Бессмертный почтенный Юньлань перенес сюда из своей обители Лотосовый Пьедестал Из Зелёного Нефрита. Сделав артефакт сердцем Магического Круга Долголетия, он связал его с подземными духовными жилами.

Изначально это предназначалось для поддержания угасающей жизни обессиленного Лу Гуйсюэ, но потоки духовной энергии оказались настолько мощными, что на всем пике воцарилась вечная, ласковая весна.

Нефритовый пьедестал обратился небольшим прудом в центре двора. Вода в нем была прозрачна, а на самом дне покоился озерный лотос. Впрочем, всю чашу единолично занимал один-единственный обитатель — чересчур упитанный красный карп кои.

Завидев Шэнь Лоуханя, толстая рыба выдула целую гирлянду пузырей и, оперевшись плавниками о бортик, уставилась на пришедших умоляющим взглядом.

Шэнь Лоухань лишь недоуменно нахмурился.

Лу Гуйсюэ прекрасно понял: тучная рыбина вспомнила его давешнее обещание и теперь выпрашивала угощение.

Подойдя к водоему, он наклонился и слегка похлопал ладонью по глади:

— Ладно-ладно, сейчас принесу тебе еды.

Карп радостно вильнул хвостом, подняв сноп брызг, намочивших шелковый рукав мастера. Лу Гуйсюэ даже не поморщился.

Глядя, как Лу Гуйсюэ забавляется с карпом, Шэнь Лоухань почувствовал, будто окружающий мир теряет очертания реальности. Неужели его холодный наставник способен на подобную душевную простоту? Неужели он может вот так запросто болтать с рыбой?

Черты лица Лу Гуйсюэ по-прежнему выражали спокойствие, но было в них нечто, лишившее его образ прежней ледяной недостижимости.

Неужто та тяжелая рана полугодовой давности и впрямь способна так переменить человека?

«Почему бы и нет?» — мрачно ответил он самому себе.

Любой другой на его месте сломался бы под тяжестью подобного удара и угас бы в отчаянии. Вряд ли кто-то сумел бы отнестись к потере всего столь равнодушно и не обращать внимания на ядовитую молву.

Так изменился ли Лу Гуйсюэ?

Нет. Его сущность осталась прежней.

К тому, что его не трогало, Лу Гуйсюэ всегда оставался безучастен и холоден. Но ради того, что было ему дорого, он отдал бы все без остатка — даже собственную жизнь.

И к великому несчастью, сам Шэнь Лоухань принадлежал к первой категории.

В груди у юноши закипела глухая досада. Он с горечью осознал, что в прошлой жизни, вероятно, значил для своего мастера куда меньше, чем этот жирный карп.

<http://bllate.org/book/20383/2106467>